

А.В. БАБУК

(Гродненский государственный университета им. Я. Купалы
Гродно, Беларусь)

УДК 821.161.1-3(Достоевский Ф. М.)»18»

ББК Ш33(2Рос=Рус)52-8,43

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФА ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье раскрывается сущность мифа детства, показывается его становление как психокультурного феномена. Изображается процесс развития мифа детства в творчестве Ф.М. Достоевского. С помощью феноменологического анализа текста выявляются такие структурно-семантические компоненты мифа детства в творчестве Ф.М. Достоевского как идилличность, культ естественной природы, детскость как коррелят мифологемы о «золотом веке», а также архетип дома, семьи и родителей и мотив любви к прошлому.

Ключевые слова: детство, ребенок, «золотой век», преображение, миф детства.

В настоящее время в возрастной психологии *детством* называется период индивидуального созревания человека от рождения до отрочества, включающий развитие от беспомощного существа до вполне сознательной личности, способной принять ответственность за себя и своих близких [Мухина 1999: 96]. Как период филогенеза, детство характеризуется не только возрастными физиологическими и психологическими чертами, но и особенностями мировосприятия. Поэтому современная гуманитарная наука рассматривает детство и как определенный период развития человека, и как особый психокультурный феномен.

Однако прежде чем сформироваться в качестве психокультурного феномена, понятие детства претерпело существенную эволюцию. Так, в античности как такового периода и понятия детства еще не существовало, поскольку частые войны способствовали скорейшему взрослению человека и не позволяли долго оставаться ребенком: ребенок считался не вполне полноценным взрослым человеком. Это подтверждается фактами греко-римской мифологии, в которой нет ни

одного свидетельства обожествления ребенка, напротив, ребенок рассматривался как абсолютное зло. Согласно библейской антропологии, серьезное отношение к ребенку начинается еще в ветхозаветное время, когда отец еврейского семейства Авраам создает традиции высоконравственного поведения и образа жизни. Суть ветхозаветных традиций воспитания заключается в исполнении закона Божьего, основанного на заповедях и предусматривающего в случае непослушания наказание, вплоть до физической смерти. Это относилось и к детям. При этом статус ребенка в ветхозаветное время был крайне низок. Взгляд на ребенка существенно изменяется в новозаветное время, когда Иисус Христос провозглашает, что детей *есть Царство Небесное* [Мф.18:3] (не случайно до сих пор в православии ребенок в возрасте до семи лет считается ангелом). Однако христианское средневековье еще не осознавало особый статус детства, хотя средневековая литература, опираясь на христианские традиции, представляет детство образом рая. Так, Данте в «Божественной комедии» считает рай местопребыванием Иисуса Христа с Девой Марией вместе с блаженными. Блаженные, по Данте, – это те, кто, преодолев свои страсти и пороки, смогли сохранить себя для Бога. В Новое время под влиянием протестантского учения Мартина Лютера о персональном Спасении каждого создаются предпосылки для выделения семьи из коллективного целого, формируется понятие индивидуального личного пространства и частной жизни человека. В эпоху Просвещения детство выделяется как особый период онтогенеза благодаря учению Ж.-Ж. Руссо о «естественном» человеке, а также просветительской концепции Дж. Локка о воспитании, основанной на содействии созреванию гармонической, всесторонне развитой, добродетельной и в то же время приспособленной к социальной жизни личности.

Первыми литературными произведениями, в которых ребенок представлен как полноценный человек со своими психофизиологическими особенностями, считаются роман Г. Филдинга «История Томаса Джонса Найденыша» и Ж.-Ж. Руссо «Исповедь». *Детство как культурный миф* осмысливается в эпоху романтизма, когда у художников возникает желание отвернуться от непонятного и вызывающего смутную тревогу мира и уйти в мир воображаемой действительности. Одним из вариантов такого «ухода» романтикам представлялась детскость как состояние чистоты и непосредственности, противопоставленная рациональной взрослости. Так постепенно в мировой литературе и культуре детство из этапа

личностного онтогенеза перерастает не только в психокультурный феномен, но и в целую философию [Matthews Garreth 1994].

Наш интерес к исследованию детства непосредственно в русской литературе объясняется тем, что вслед за Ю.М. Лотманом мы утверждаем сохранение в русской литературе средневековой христианской простоты во взгляде на человека и мир [Лотман 1993: 127-137]. Особенно это касается творчества Ф.М. Достоевского, произведения которого написаны в свете «реализма в высшем смысле» – уникального в своем роде творческого метода, в основе которого лежит идеал Христа, определяющего так называемую категорию преображения. Функционирование мифа детства в качестве части христианской антропологии мы попытаемся показать на примере исследования структурно-семантических компонентов мифа детства в романном творчестве писателя.

Величие Достоевского в том, что душевную организацию его героев отличает непосредственное видение мира, духовно-нравственная чистота, целомудрие, открытость. Это состояние восходит к первобытному человеку Адаму до его грехопадения и соотносится с «золотым веком» – эпохой всеобщего благоденствия, блаженства или рая, отождествляемого с христианским Царством Небесным, которое писатель изобразил в рассказе «Сон смешного человека». В отличие от рая библейского, рай в рассказе представлен в образе не земного (Эдем), а небесного пространства. Обретение рая, по Достоевскому, возможно только при условии соединения с Христом, которое, в свою очередь, предполагает восстановление целостности души человеческой (целомудрия) в результате покаяния, преображения и дальнейшего воскрешения. Так, по утверждению Н.Ф. Будановой, «пути преобразования мира писатель видит <...> прежде всего в “переустройстве” души человеческой – в духовном возрождении как отдельного человека, так и нации в целом» [Буданова 2011: 231]. Идеал, таким образом, в творчестве Достоевского, становится реальностью, а миф – самой действительностью.

Воплощенным состоянием «золотого века» является «положительно прекрасный человек» князь Мышкин, герой романа «Идиот». Христианская детскость Мышкина, неоднократно отмечаемая в исследованиях достоевковедов, сближает его с Дон Кихотом Сервантеса и мистером Пиквиком Ч. Диккенса. Князь Мышкин у Достоевского – это новое воплощение Христа. Образно-мотивный анализ выявляет детскость как главное и важнейшее качество князя Мышкина. Миссия князя в романе заключается не

столько в назидательной духовно-нравственной проповеди людям о времени, религии и других субстанциях сознания, сколько в сострадании – этот аспект заимствован Достоевским у Сервантеса и Диккенса. Однако образ Мышкина у Достоевского оказался незаконченным, лишенным целостности. Это объясняется тем, что взор князя антропоцентричен, т.е. обращен не к Богу (теодицея), а к человеку (антроподицея) [Сузи 2011: 173]. Образ Мышкина в большой степени романтизирован, статичен и не отличается онтологичностью. В своем подражании Христу князь терпит поражение еще и потому, что его взор обращен к страстям человека, которые не дают ему подняться до горних высот. Это проявляется в том, что он сам становится жертвой любви к Аглае и Настасье Филипповне одновременно. По словам В.Н. Сузи, экзистенциальный стыд, возникший в результате этих отношений во внутреннем мире князя, приводит его в конечном итоге к психической гибели [Сузи 2011: 88]. При этом не стоит недооценивать морально-нравственный образ князя Мышкина. Сила князя заключается в том, что он сохраняет верность своему христианскому идеалу на протяжении всего произведения; эта сила, как утверждает А.Е. Кунильский, проявляется во влиянии «на соприкасавшихся с ним людей» (в первую очередь это касается представителей молодого поколения – Коли Иволгина и Веры Лебедевой) [Кунильский 2006: 201]. Но в результате своей раздвоенной любви князь Мышкин лишается детской непосредственности и погибает от чрезмерной широты своего сердца. Это в значительной степени сближает героя Достоевского с диккенсовским мистером Пиквиком, который переживает фрустрацию вследствие столкновения с той коррумпированной средой английского общества, свидетелем которой он является [Lary 2009: 76-77]. В этом смысле гибель чистоты и непосредственности князя Мышкина и мистера Пиквика, их детского, онтологически неделимого мировидения и есть результат разрушения романтического мифа детства.

Важным структурно-семантическим компонентом мифа детства является идиллическое представление природы. В произведениях Достоевского описание природы развивают не тургеневскую традицию, выявляющую вольную простоту и таинственность природного мира, а представляют ее сложный религиозно-философский смысл. Основная мысль Достоевского (в контексте феноменологии детства) заключается в том, что человек в результате грехопадения утратил свою целостность и отошел от Божественного

подобия в истории, поэтому цель человеческой жизни состоит в возвращении к этому утраченному первоначальному образу рая посредством воссоединения с природой как источником естественной Божественной сущности. Таким источником, по словам Р.В. Плетнева, в творчестве Достоевского выступает земля [Плетнев 2007: 152], являющаяся в русской культуре символом культа Богородицы. Этот символ присутствует во многих романах Достоевского, особенно ярко он представлен в «Бесах» и «Преступлении и наказании». Так, Марфа Тимофеевна Лебядкина в романе «Бесы», открывая читателю единство «Бога и природы», сообщает о том, что *«Богородица – великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость. И всякая тоска земная и всякая слеза земная – радость нам есть; а как напоишь слезами своими под собой землю на пол-аршина в глубину, то тотчас же о всем и возрадуешься»* [Достоевский т. 10: 116]. Раскольников после исповеди Сони Мармеладовой, чувствуя свой грех перед землей, *«стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю, с наслаждением и счастьем»* [Достоевский т. 6: 405]. Поклонение земле в романах Достоевского есть символ примирения человека с Богом, возврата к первоначальному райскому состоянию, или «золотому веку».

Структурно-семантический компонент любви к прошлому в творчестве Достоевского может быть выявлен из воспоминаний, как самого писателя, так и его героев. Воспоминания детства влияют на всю последующую жизнь, о чем сам Достоевский говорил: *«Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек <...> сомнения нет, что воспоминания и впечатления, и, может быть, самые сильные и святыя, унесутся и нынешними детьми в жизнь»* [Достоевский т. 25: 172–173]. Воспоминания эти могут носить как негативный, так и позитивный характер. В случае преобладания негативных воспоминаний человек ищет некий идеальный образ, способный заменить отрицательный образ на положительный. В таком случае происходит смена и перестройка архетипов сознания, а также идеализация или мифологизация действительности.

В жизни самого Ф.М. Достоевского таким негативным детским воспоминанием стала сцена изнасилования пьяным малолетней девочки, свидетелем которого он был еще ребенком. Маленькая девочка в результате изнасилования скончалась, истекая кровью. На эгоцентричного Федора, который до тех пор не имел никакого понятия о насилии как таковом, этот случай произвел особое впечатление и

навсегда остался в его памяти. Согласно утверждению Л.И. Сараскиной, «из романа в роман будет преследовать Достоевского сюжет замученного ребенка – несчастное дитя будет являться ему и в снах Свидригайлова, и в галлюцинациях Ставрогина, и в черновиках к “Подростку”» [Сараскина 2011: 72].

Важно и то, что Мария Федоровна, мать писателя, умерла, когда Достоевскому не было еще и шестнадцати лет. Вероятно, по этой причине тема материнства займет значительное место в его творчестве. Не исключено, что изнасилование малолетней девочки и ранняя смерть матери подтолкнули писателя не только к исследованию детской антропологии, но к своеобразной педагогической проповеди, обращенной, прежде всего, к взрослым – родителям и педагогам: *«Вся педагогика ушла теперь в заботу об облегчении»* [Достоевский т. 22: 9]. И здесь же писатель добавляет: *«Иногда облегчение вовсе не есть развитие, а, даже напротив, есть отупление. Две-три мысли, два-три впечатления поглубже, выжитые в детстве, собственным усилием (а если хотите, так и страданием), проведут ребенка гораздо глубже в жизнь, чем самая облегченная школа, из которой сплошь да рядом выходит ни то ни сё, ни доброе ни злое, даже и в разврате не развратное, и в добродетели не добродетельное»* [Достоевский т. 22: 9].

Важным элементов в отношениях ребенок/взрослый, по Достоевскому, является ответственность взрослых за детей. Ребенок в процессе онтогенеза копирует модель поведения ближайшего окружения, как правило, своих родителей, отношения с которыми им подсознательно воспринимаются как эталонные, что оказывает существенное влияние на созревание ребенка и его мировоззрение. Так, например, попустительское отношение Степана Верховенского к своему сыну Петру в «Бесах» привело к негативным впечатлениям об отце и полной потере всякого авторитета в сознании Петра и установки на философию гедонизма и вседозволенности, что оказало существенное влияние на Петра, сформировав его в качестве нигилиста-революционера. Так Достоевский не столько критиковал насилие, сколько призывал к отказу от либерально-попустительского отношения к детям.

Важное место в родительском комплексе как элементе мифа детства творчества Достоевского, по нашему мнению, занимает архетип матери, который традиционно на Руси восходит к образу Богородицы, находящий свое место практически во всех поздних романах писателя. Особо стоит сказать о так называемых пяти

романных иконах, отмеченных Т.А. Касаткиной. Эти иконы созданы «словесными средствами и повторяют важнейшие сюжеты православной иконописи (в “Преступлении и наказании” это икона Богородицы “Споручница грешных”, в “Идиоте” – “Положение во гроб”, в “Братьях Карамазовых” – “Причащение апостолов”))» [Касаткина 2005]. Богородицу как архетип матери и образы святых в качестве эталона Достоевский использует для изображения христианского образа женщины. Так, например, сюжет древнего апокрифа «Хождения Богородицы по мукам», в котором показывается прощение матерью мучителей своего ребенка, служит основанием для разрушения бунта Ивана Карамазова; образ преподобной Марии Египетской помогает Сонечке Мармеладовой из блудницы преобразиться и стать полноценной женщиной; частота использования в романах имени Софья (от греч. – «премудрость») в представлении феномена женского самопожертвования, сопереживания и сострадания (Сонечка Мармеладова в «Преступлении и наказании», Софья Андреевна Долгорукая в «Подростке», Софья Матвеевна Улитина в «Бесах») объясняется не только биографическими подробностями жизни писателя (смерть Софьи – первого ребенка Достоевского), но и знакомством автора с житием святых Веры, Надежды, Любви и их матери Софии, которые во II в. н.э. подверглись жестоким пыткам за свои христианские убеждения. Так автобиографический и житийный мотивы соединились в творчестве Достоевского во единое целое для изображения архетипа матери и формирования такого структурно-семантического компонента мифа детства, как идеал Дома, семьи, родителей.

Таким образом, исследование феноменологии мифа детства в творчестве Достоевского сквозь призму христианской антропологии показывает значимость этого мифа именно как средневекового образа рая, или «золотого века». Достоевский изобразил утрату человеком в процессе онтогенеза состояния небесного блаженства, и этим обусловлено разрушение мифа детства в творчестве писателя, в частности, таких его структурно-семантических компонентов, как авторитет взрослых, родителей и учителей, а также чистота и невинность ребенка. Анализ отцовско-материнского комплекса в творчестве Достоевского свидетельствует о том, что писатель обращается к проблеме «случайного семейства», ставшей показателем разрушения института семьи, и возлагает вину на родителей как тех, кто обязан нести ответственность за семью и ребенка. Мать в творчестве Достоевского часто изображается в образе Богородицы или

святой, которая, проявляя самопожертвование, берет ребенка под свой покров.

Исходя из сказанного, можно сделать следующие *выводы*:

1. Миф детства в творчестве Достоевского функционирует в образе «золотого века» – состояния, соотносимого с небесным блаженством в представлении средневекового христианства.

2. К состоянию «золотого века», по Достоевскому, причастны не только дети, но и взрослые. Образ князя Мышкина в творчестве Достоевского является не только воплощением темы «положительно прекрасного человека», но и неудачным образом христианина, поскольку экзистенциальный стыд, порожденный широтой сердца и страстью к Аглае Епанчиной и Настасье Филипповне, способствует духовно-нравственной гибели князя, а значит, и разрушению детскости как особого состояния души.

3. Воспоминания, по Достоевскому, могут быть источником как разрушения мифа детства, так и его созидания путем христианского преображения, реализуя тем самым мотив любви к прошлому.

ЛИТЕРАТУРА

Lary, N.M. Dostoevsky and Dickens: A Study of Literary Influence – London and Boston: Routledge and Kegan Paul, 2009. – 161 p.

Matthews Garreth B. Philosophy of childhood – USA, 1994. – 139 p.

Буданова, Н.Ф. «А поле битвы – сердца людей» // «И свет во тьме светит...» (к характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского). – СПб: ИД «Петрополис», 2011. – С. 209-241.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. / Ф.М. Достоевский – Л.: Наука, 1972-1990.

Касаткина, Т.А. Ф.М. Достоевский в девяти томах / К.А. Степанян [Электронный ресурс] // Знамя – 2005. – №11. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru:81/novyi_mi/redkol/kasat/obodnsv.html – Дата доступа: 11.09.2013.

Лотман, Ю.М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Избранные статьи в 3 т. – Таллинн, 1993.– Т. 3. – С. 127–137.

Мухина, В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов – 4-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 1999. – 456 с.

Плетнев, Р.В. Земля (из работы «Природа в творчестве Достоевского») // Вокруг Достоевского: В 2 т. Сборник статей под

редакцией А.Л Бема // Сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. – М.: Русский путь, 2007. – Т.1 – 576 с.

Сараскина, Л.И. Достоевский / Л.И. Сараскина – М.: «Молодая гвардия», 2011. – 825 с.

Сузи, В.Н. Imitatio Christi в романном творчестве Достоевского – Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academicpublishing, 2011. – 274 с.

Статья рекомендована д.ф.н., проф. Т.Е. Автухович